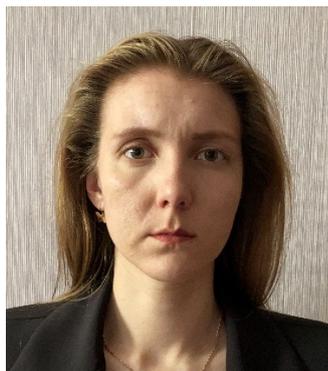

УДК 81'42

Лошанина Мария Николаевна
аспирант,
кафедра русского языка и общего языкознания,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: masha_usole@mail.ru

ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАРРАТИВЕ (на материале романа Б. Акунина «Пиковый валет»)

Аннотация. Данная статья представляет собой анализ вставных конструкций в романе Б. Акунина «Пиковый валет». Была сформулирована и доказана гипотеза о том, что вставные конструкции маркируют речь разных субъектов сознания, и потому могут быть отнесены к эгоцентрическим единицам языка. Все вставные конструкции в романе разделены на три группы: гомогенные, гетерогенные и смешанные. Принадлежность речи во вставной конструкции и основном предложении осуществляется на основе анализа лексических единиц и их сопоставления с речевым портретом каждого субъекта речи в романе.

Ключевые слова: нарратив, эгоцентрические элементы, наблюдатель, вставные конструкции, Б. Акунин.

Maria N. Loshanina
PhD Student,
Department of Russian Language and General Linguistics,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: masha_usole@mail.ru

EGOCENTRIC POTENTIAL OF PARENTHETIC CONSTRUCTIONS IN FICTIONAL NARRATIVE (Based on the Novel “Jack of Spades” by B. Akunin)

Abstract. This article is an analysis of parenthetical constructs in B. Akunin's novel “Jack of Spades”. The hypothesis was formulated and proved that parenthetical constructions mark the speech of different subjects of consciousness, and therefore can be attributed to the egocentric units of the language. All parenthetical constructions in the novel are divided into three groups: homogeneous, heterogeneous and mixed. The belonging of speech in the insert structure and the

main sentence is carried out on the basis of the analysis of lexical units and their comparison with the speech portrait of each subject of speech in the novel.

Keywords: narrative, egocentric units, observer, parenthetical constructions, B. Akunin.

Для современной лингвистики является актуальным вопрос представленности человеческого фактора в системе языка, так как «язык устроен таким образом, что позволяет каждому говорящему, когда он обозначает себя как говорящий, как бы присваивать себе язык целиком» [4 с. 296]. Главным средством выражения говорящего в системе языка являются единицы, отсылающие к Я (ego), – эгоцентрические единицы.

Эгоцентрические единицы языка функционируют обычно в канонической коммуникативной ситуации, однако наибольший интерес для исследователей представляет неканоническая – нарративная – коммуникативная ситуация (коммуникативная ситуация художественного текста) благодаря неоднозначной позиции присутствия в ней человека, который может выступать в роли автора, повествователя или персонажа. В неканонической коммуникативной ситуации главным компонентом семантики эгоцентрических единиц является фигура наблюдателя, которая может совпадать как с субъектом повествования (рассказчиком), так и с одним из персонажей.

Большинство исследований в теории языкового эгоцентризма посвящены анализу единиц лексического уровня системы языка, тогда как синтаксические средства языка, маркирующие говорящего, изучены в меньшей степени. Тогда как осложняющие синтаксические конструкции, в частности, вставные конструкции, благодаря добавочному характеру функционирования в синтагме, относятся к индивидуально-авторским средствам построения текста, и потому являются значимым элементом художественной системы.

В качестве материала для анализа был выбран постмодернистский роман Б. Акунина «Особые поручения». В ходе анализа романа была выявлена 151 вставная конструкция, и такое внушительное количество дало возможность предположить, что использование вставных конструкций в романе является особым художественным приемом.

На основании данного предположения была сформулирована гипотеза: ***вставные конструкции маркируют речь разных субъектов сознания, и потому могут быть отнесены к эгоцентрическим единицам языка.***

Для доказательства гипотезы в ходе анализа было необходимо сопоставить речь в высказывании с речевым портретом¹ каждого из субъектов сознания в романе. В результате такого сопоставления все вставные конструкции в романе Б. Акунина в зависимости от принадлежности вставной кон-

¹ В словаре-справочнике под редакцией Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой под термином **речевой портрет** подразумевается «подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений как средство художественного изображения персонажей» [Розенталь, Теленкова, 1985, с. 417].

струкции и основного предложения одному субъекту сознания (Я (ego)) или разным, были разделены на *гомогенные и гетерогенные вставные конструкции*.

1. **Гомогенные (моносубъектные) вставные конструкции** в романе представлены двумя типами: и во вставной конструкции, и в основном предложении речь принадлежит либо повествователю, либо персонажу.

Вставные конструкции гомогенного типа, **субъектом сознания в которых является повествователь**, выполняют в романе следующие функции:

- функция уточнения деталей портрета персонажа,
- функция уточнения имени персонажа,
- функция уточнения деталей пространства,
- функция уточнений деталей сюжета.

В примере (1.1) повествователь во вставной конструкции уточняет детали портрета персонажа Анисия Тюльпанова. Вставная конструкция, выраженная сложным предложением, синтагматически связана (на что указываем местоимении *он* в анафорической функции) с единицей основного предложения *Тюльпанов*, референтом которой является персонаж Анисий Тюльпанов, детали портрета которого уточняет повествователь. Речь повествователя маркируют эгоцентрические единицы: форма 3-личного повествования *дотронулся*, 3-личная форма имени *Тюльпанов*, местоимение 3-лица единственного числа *он* в анафорической функции.

(1.1) *До плеча уставшего от тяжелой наблюдательной службы Тюльпанова (был он в синих очках и рыжем парике, чтоб не приняли по бритой башке за татарина) дотронулся смуглый цыган – кудреватый, в меховой поддевке и с серьгой в ухе* [2 с. 137].

Вставные конструкции гомогенного типа, **субъектом сознания в которых является персонаж**, выполняют такие функции, как

- функция передачи мыслей персонажа,
- функция передачи эмоций и оценок персонажа,
- функция передачи достоверности сообщаемого,
- функция автоисправления,
- функция уточнения имени и портрета другого персонажа,
- функция уточнения деталей сюжета.

В примере (1.2) во вставной конструкции персонаж сообщает о мыслях, которые возникают у него в момент произнесения основного предложения. Вставная конструкция, выраженная сложным предложением, синтагматически связана с предыдущим предложением с помощью указательного местоимения *это*, в ней персонаж Э. П. Фандорин передает мысли, которые у него возникают в момент прочтения записок Анисия.

(1.2) – *Вы записали его портрет. Покажите-ка. «...Взгляд мягкий, добрый. (Хм...) Глаза, кажется, светлые. (Это важно, надо будет еще спросить секретаря его высокопревосходительства.) Лицо открытое, приятное»* [2, с. 42].

Вставная конструкция в примере (1.3), выраженная частью сложноподчиненного предложения, синтагматически связана с предыдущим предложением с помощью союзного слова *что* в Р. п. *чего*. Данные высказывания принадлежат персонажу, так как оба примера – прямая речь персонажа Э. П. Фандорина, на что указывают характеристики речевого портрета персонажа: отсутствие стилистически окрашенной лексики и последовательный характер передачи информации (см. параграф 3.1.).

(1.3) – *Некая ловкая особа, всего-то выяснив имена нескольких корреспондентов (для чего достаточно полистать газетки), отбивает по редакциям телеграмму о прибытии германского фюрста, а далее все происходит само собой* [2, с. 44].

2. **Гетерогенные (полисубъектные) вставные конструкции** в романе представлены двумя типами: речь во вставной конструкции принадлежит персонажу, а в основном предложении повествователю, и наоборот.

Вставные конструкции, **маркирующие уточнения персонажа**, представлены в романе следующими типами:

- персонаж уточняет детали портрета,
- персонаж передает свои мысли,
- персонаж передает свои чувства и эмоции,
- персонаж уточняет детали сюжета.

В примере (2.1) во вставной конструкции, выраженной простым предложением и синтагматически связанной с основным предложением, персонаж Момус уточняет детали портрета персонажа Мими.

(2.1) Глаза у отрока [Мими – М. Л.] большие, лазоревые. Лицо тонкое, чистое. Золотые волосы острижены в кружок (ох, крику было – ни в какую не соглашалась Мимочка локоны обрезать). Одет чудный юноша в одну белоснежную рубаху – и ничего, не холодно ему (еще бы – под рубашкой тонкая фуфайка из первосортной ангоры, да и нежный Мимочкин бюст туго перетянут теплой фланелькой) [2, с. 111].

а) в основном предложении наличие стилистически нейтральной лексики и инверсии подлежащего и сказуемого (*одет юноша* вместо **юноша одет*) маркируют речь повествователя, позволяя соотнести речь в основном предложении с его речевым портретом.

б) во вставной конструкции эгоцентрические единицы: междометие *ох*; просторечное выражение *ни в какую*, единицы с суффиксом субъективной оценки *Мимочка* и *фланелька*; разговорная частица *еще бы*, с помощью которой говорящий подчеркивает невозможность другого результата; разговорный союз *да и*, с помощью которого говорящий подчеркивает то, о чем ранее сообщалось; конструкция с родительным партитивным *крику было*, характерная для разговорной речи. Соотнеся речь во вставной конструкции с речевым портретом, делаем вывод, что все эти единицы маркируют речь персонажа Момуса.

Вставные конструкции, **маркирующие ремарки повествователя.**

В высказываниях, в которых основное предложение принадлежит персонажу, вставные конструкции, маркируя речь повествователя, выполняют функцию ремарок, и тем самым позволяют повествователю актуализировать зрительный и слуховой план восприятия читателя.

В примере (2.2) во вставных конструкциях, выраженных простым предложением и синтагматически не связанных с основным предложением, повествователь уточняет звуковой план в описываемом эпизоде.

(2.2) – Подведём итоги. Джек Потрошитель по какой-то, по ка неизвестной нам причине перебрался в Москву и весьма решительно взялся за изведение здешних проституток и нищенок. Это раз. – Для вящей убедительности шеф щелкнул четками. – Прибыл он сюда в ноябре минувшего г-года. Это два (шелк!). Все последние месяцы находился в городе, и если отлучался, то ненадолго. Это три (шелк!). Он медик или изучал медицину, ибо владеет хирургическим инструментом, умеет им п-пользоваться и имеет навыки анатомирования. Это четыре [2, с. 192].

а) в основном предложении последовательная и аргументированная манера речи отсылает к речевому портрету персонажа Э. П. Фандорина.

б) во вставной конструкции наличие стилистически нейтральной лексики маркируют речь повествователя, позволяя соотнести речь в основном предложении с его речевым портретом.

Анализ показал, что благодаря вставным конструкциям, маркирующим ремарки повествователя, читатель может не только более детально представить описываемую ситуацию, но и услышать не только речь персонажей, но и второстепенные звуки. Такая организация текста отражает тенденцию к полифонии.

В романе была выявлена группа примеров, в которых во вставной конструкции одновременно представлена речь персонажа и речь повествователя, поэтому они были названы **смешанными**.

В примере (3.1) во вставной конструкции, выраженной сложным предложением и синтагматически не связанной с основным предложением, повествователь уточняет действия персонажа Момуса. Также во вставной конструкции представлена прямая речь персонажа.

(3.1) – Не надо Ма-атушке твоих де-енег, – странным, с подвыванием голосом пропел Божий человек (это она из «Баядерки» модуляции подпускает, сообразил Момус) [2 с. 119].

Прямая речь в высказывании (3.1) принадлежит персонажу Мими.

а) в основном предложении инверсия подлежащего и сказуемого (*пропел Божий человек* вместо **Божий человек пропел*), а также наличие стилистически нейтральной лексики маркируют речь повествователя, позволяя соотнести речь в основном предложении с его речевым портретом.

б) во вставной конструкции

▪ эгоцентрическая единица – просторечный глагол *подпускать* ‘произнести, намеренно придавая речь определенный оттенок’ – маркирует

речь персонажа Момуса, позволяя соотнести речь во вставной конструкции с его речевым портретом;

■ эгоцентрические единицы: форма 3-личного повествования *сообразил*, 3-личная форма имени *Момус*, – а также наличие стилистически нейтральной лексики маркируют речь повествователя, позволяя соотнести речь в основном предложении с его речевым портретом.

Данная группа примеров, вставные конструкции в которых маркируют речь одновременно нескольких субъектов сознания, также являются ярким показателем полифонии в тексте.

Таким образом, проверив гипотезу о том, что вставные конструкции маркируют речь разных субъектов сознания, мы доказали, что вставные конструкции могут быть включены в группу эгоцентрических единиц языка. А также такой комплексный анализ вставных конструкций, маркирующих речь разных субъектов сознания, оказался продуктивным, и потому может быть применен к другим художественным текстам, в которых вставные конструкции являются особым средством организации повествования.

Список использованной литературы

1. Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. — Москва : Высшая школа, 1990. — 166 с.
2. Акунин Б. Особые поручения : роман / Борис Акунин [худож. И. Сакуров]. — Москва : «Захаров», 2016. — 336 с.
3. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки славянской культуры, 1995. — 768 с. — URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=210920> (дата обращения: 25.03.2020).
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс, 1974. — 448 с.
5. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник / Н. С. Валгина. — Москва : Высш. шк., 2003 — 416 с.
6. Вяткина С. В. Динамика развития вставных конструкций в русском литературном языке // Тенденции развития русского языка: сб. статей. — СПб. : 2001. — С. 46—58.
7. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. — Москва : УРСС, 2010. — 368 с.
8. Кулаковский М. Н. Вставные конструкции и индивидуально-авторский стиль / М. Н. Кулаковский // Воронежский филологический вестник. — 2017. — № 1. — С. 53–56. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vstavnye-konstruktsii-i-individualno-avtorskiy-stil/viewer> (дата обращения: 25.03.2020).
9. Падучева Е. В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки / Е. В. Падучева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая —

4 июня 2006 г.) / Под. ред. Н. И. Лауфер, А. С. Ниариньяни, В. П. Селегия. — Москва : Изд-во РГГУ, 2006, — С. 403–413 — URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1992/paducheva.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).

10. Падучева Е. В. Наблюдатель как эксперимент «за кадром» / Е. В. Падучева // Слово в тексте и словаре: сб. ст. К 70-летию Ю. Д. Апресяна. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 185–201.

11. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.

12. Словарь русского языка: в 4-ех т. Т.1 А-И / под. ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : гос. изд. ин. и нац. словарей, 1957. — 964 с.

13. Словарь русского языка: в 4-ех т. Т.2 К-О / под. ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : гос. изд. ин. и нац. словарей, 1957. — 1015 с.

14. Словарь русского языка: в 4-ех т. Т.3 П-Р / под. ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : гос. изд. ин. и нац. словарей, 1957. — 992 с.

15. Словарь русского языка: в 4-ех т. Т.4 С-Я / под. ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : гос. изд. ин. и нац. словарей, 1957. — 1088 с.

16. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.